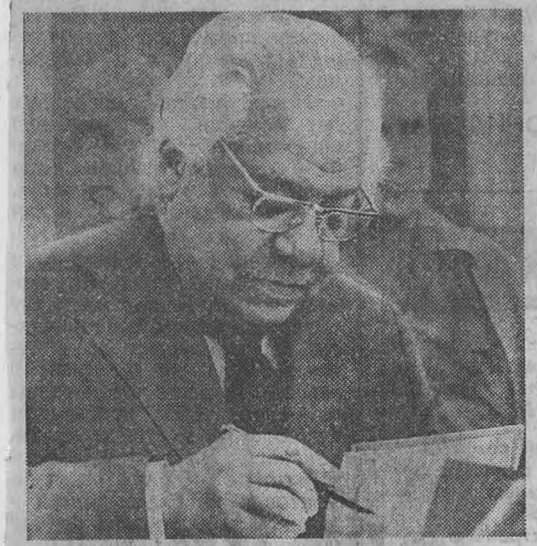
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
№ 9 ИЮЛ 1982



Николас ГИЛЬЕН:

По волнам моей памяти

ЗАВТРА ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ ВЫДАЮЩЕМУСЯ КУБИНСКОМУ ПОЭТУ

По далекой дороге
я пошел наугад,
а краюшка и кружка
за плечами стучат.
Я пошел наугад,
Я сказал: ветер, ветер...

Куба — это остров в Карибском море, омываемый поэзией Гильена, говорил Пабло Неруда.

Ваша книга меня потрясла как поэта и как лингвиста. Это дух плоти, чувство непосредственной жизни, жизни вплотную, чувство земли. В глубине своей — это целая философия, писал совсем еще молодому кубинцу выдающийся испанский поэт Мигель де Унамуно, веривший в магию слова.

Что же это такое — магия слова Николаса Гильена? Прежде всего это настоящее искусство. Можно читать Гильена почти на всех языках мира и подчиниться этой магии, и с наслаждением внимать, и...

Проснуться на небольшом рыбацком суденышке в заливе напротив Гаваны. Йодистый запах сетей, водорослей, раковин; с юго-запада тянет мягкий предрассветный бриз. Присесть на корме и ждать. Густо-синяя поверхность воды застынет на какое-то мгновение, замрет бриз — ты закроешь глаза, выдохнешь, вдохнешь теплый влажный воздух — и когда откроешь глаза, от крутой дуги горизонта до борта суденышка, до Малекона все будет усыпано мельчайшей золотистой пылью. Небо будет прозрачным и легким. «Я синие знаю заливы и небо, водой повторенное...», «...ах Куба, скажи мне, откуда взяла ты эту лазурь?». Громадное солнце будет медленно всплывать со дна Мексиканского залива, и Гавана — Малекон, невысокие дома на набережной, отель «Насиональ», небоскребы Ведадо — все это на глазах будет наливаться матовым серебром, оранжевым, бледно-салатовым цветом; за много миль виден золотисто-сиреневый купол Капитолия. Потом Гавана станет розовой — до тех пор, пока не накроет ее мглистое жаркое марево.

Я сказал: ветер, ветер,
ухожу я с тобой.
(Солнца диск на рассвете
молодой, молодой).
Ухожу я с тобой.
Луч нашел я с травою...

Умыться холодной желтоватой водой из ручья, выпить горячего крепкого кофе с галетами, надеть кованые башмаки, кожаные гетры со стальными щитками, краги, фартук и встать с мачетерос в ряд на краю поля. Левой рукой обнимать десяток крепких толстых стеблей, а правой рубить их под корень... Мачете будет звенеть и визжать, пот будет хлюпать в башмаках, липнуть к спине и груди горячая мокрая рубаха. Придет второе дыхание и кончится — зайдутся легкие. В какую-то минуту ты будешь готов рухнуть без сил в заросли. «Сладка и душиста мякоть у нашего тростника, но сладость его горька, отведаешь, хочется плакать...» А когда сгустеют жирные сумерки, сидеть у костра и, забыв про гудящие мышцы, про боль в спине и в шее, жадно есть рис с бобами, пить кофе и слушать сухой шелест пальмовых ветвей, слушать, слушать рассказы мачетерос и смотреть на догорающий над полем закат.

Выйти в воскресенье на Двадцать третью улицу, где перемешаны веселый рев гуа-гуа — кубинских автобусов, детский гомон, музыка из окон и дверей, цветы, банановое, манговое, апельсиновое мороженое в руках пешеходов... Обжечься вдруг взглядом огромных лукавых черных глаз — той, «с золотистой кожей, на тоненьких каблучках, с волосами из черного шелка, с улыбкой на детских губах, мулатки, просто прохожей, что плывет по волнам моей памяти, исчезая в этих волнах...»

Встретить на пляже высокого худого старика негра с маленькой девочкой, похожей на куклу. Послушать рассказ старика о том, как работал мойщиком окон в Соединенных Штатах, наборщиком в газете, шофером в Мексике, на конюшне — у пуэрто-риканского миллионера.

— Лучше нашей Кубы нет! — воскликнет он, и трудно будет поверить, что ему восемьдесят два года.— Недаром Колумб говорил, что если и существует рай, то он на нашем острове. А с кубинской поэзией вы знакомы? Стихи и песни Николаса любите?

Вот вы послушайте такую песенку: «В рассветный час, в безмолвии глубоком, бог знает, на каком пути далеком мне возвращает нежность детских грез...» — голос у него еще довольно сильный, но иногда срывается. Девочка серьезно смотрит на деда, подсказывает слова, потом и сама поет: «...Когда, спеша на ветхий полустанок, внезапно пробормочет спозаранок «качу-лечу-калечу» паровоз». Последние строчки у девочки выходят очень похожими на постукивание паровозных колес.

...Луч нашел я с травою,
что найти нелегко,
над гвоздикой одною
двадцать семь мотыльков.
Что найти нелегко...

Сидеть на трибуне гаванского стадиона и смотреть игру бейсбольных команд Кубы и Никарагуа. Над переполненной светом чашей стадиона, над искрящимся зеленым полем будет взвиваться маленький белый мяч — пелота, посланный тяжелой битой несравненного Чаито, как с любовью называют лучшего отбивающего сборной Кубы мальчишки и старики. Кубинцы—непревзойденные бейсболисты. И с каждой цифрой на электрическом табло, прибавляющей очко хозяевам поля, стадион взрывается — крик, свист, трещотки, визг, мелькание сомбреро и кепи в лучах прожекторов... Но вдруг все стихает. Тысячи голов поворачиваются в сторону, где в пестроте трибун — никарагуанский флаг. Его подняли несколько затянутых бинтами парней и девушек, бывших партизан, участников сандинистского движения: они лечатся на Кубе. И донесутся оттуда слова партизанского гимна... Стадион встает и долго аплодирует. «Наши мечтанья слились, и встают они общей волною, кровь наша тоже слилась, и течет она веной одною».

Пройти по темным улочкам Старой Гаваны, по Эмпедрадо — от картинной галереи до Кафедральной площади... Совсем рядом, за домами — глубокое дыхание океана. Открыть резные невысокие двери кабачка «Бодегита дель медио». Справа будет бар, в котором можно спорить об искусстве с молодыми художниками и поэтами до утра и пить «махито» со льдом, любимый коктейль Хемингуэя. Стены заклеены плакатами, фотографиями, исписаны автографами. Гитаристы, художники, спортсмены, кинозвезды, танцоры, поэты... Но прежде всего автограф Гильена. Он и на многих фотографиях. «Нет в мире человека,— скажет тебе директор кабачка Анхель Мартинес,—более преданного «Бодегите», чем наш Николас».

Вот он, за столиком у колонны: совсем седой, смуглокожий, в очках, с крупным широким носом, полными крепкими губами. Если удается подсесть к нему и разговорить, он скажет, что продолжает писать воспоминания. «Стараюсь быть точным, насколько это возможно. Хотя, конечно, затыкаю порой дыры в памяти вещами мною выдуманными,— улыбнется он,— более или менее правдивыми. История, как вы знаете,— это великий вымысел, и нет двух историков с одинаковыми мнениями по поводу одного факта. В воспоминаниях цитирую некоторые мои веселые стихи, которые иллюстрируют это мнение об историках. С другой стороны, культура — это огромный плагиат. Все списывают друг у друга, и только когда появляется действительно революционный дух, рушится громадный замок хаоса, который, несмотря на свои размеры, по сути, хрупкий и неустойчивый. Что и говорить, восемьдесят лет — это уже достаточно для того, чтобы превратиться в назойливого ворчливого старца. Но я не печалюсь, как вы видите. Я достиг согласия с самим собой. Больше сорока лет я — коммунист. Всегда был с революцией, возглавляемой Фиделем. Я все еще писатель — хороший или плохой, не мне судить. Я поэт, во всяком случае, очень на это надеюсь. Люблю жизнь, с которой вскоре должен буду, увы, расстаться. Но это меня не страшит. Совесть моя чиста. Разве что любопытства осталось больше, чем нужно для этого». Он спокойно доедает свое конгри, рис с бобами, наливает в стакан пиво из холодной, покрытой бусинками влаги черной бутылки. Отпивая маленькими глотками, негромко разговаривает со своими соседями по столику. Певец с гитарой ходит по залу и поет соны на слова Гильена. Его просят петь еще и еще. Смуглокожий седой человек в очках разговаривает, но видно, что и он слушает певца.

...Что найти нелегко.
А в руках моих солнце,
что сказать нелегко,
а в руках моих солнце,
и я роздал его.
Что сказать нелегко.
По далекой дороге
я вернусь наугад,
а краюшка и кружка
за плечами стучат.
Я вернусь наугад.

Сергей МАРКОВ.
(Перевод стихов О. Савича).
ГАВАНА — МОСКВА.